

ПОДГОТОВКА МИССИИ Н.П. ИГНАТЬЕВА В КИТАЙ В 1859 – 1860 ГГ.

DOI: 10.25629/НС.2020.01.05

Сосна Н.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен вопрос о подготовке миссии Н.П. Игнатъева в Китай в 1859–1860 гг. Автор основывается на как на опубликованных, так и на архивных источниках из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Большое внимание уделяется историческому контексту, определившему отправку в Китай очередного посольства. Это позволило объяснить двойственный военно-дипломатический характер миссии Игнатъева и большой объем задач, поставленных перед ней. Подробно рассмотрен механизм принятия российским правительством внешнеполитических решений относительно дальневосточного региона, практически полностью приведены инструкции, полученные Игнатъевым из Министерства иностранных дел и Военного министерства. По итогам исследования представляется возможным сделать вывод о том, что миссия Н.П. Игнатъева в Китай была типичным явлением внешней политики России 1850-х – 1860-х гг. по отношению к странам Востока. Соединение военных и дипломатических функций в руках одного человека давало возможность действовать одновременно мирными и силовыми методами. Взаимоотношения с Китаем традиционно носили непредсказуемый характер и в указанный период они не являлись внешнеполитическим приоритетом. Этим и объясняется отправка Игнатъева в Пекин в период нестабильности без четких инструкций.

Ключевые слова: Российская империя, внешняя политика, Дальний Восток, Китай, Муравьев, Путятин, Ковалевский, Игнатъев, Тяньцзиньский договор, Айгунский договор.

Введение

В XVII в. российские первопроходцы исследовали обширные территории на Дальнем Востоке, сделав их частью своего Отечества. Но в результате пограничных конфликтов с набравшей силу Цинской империей под управлением императора Канси, немногочисленные российские гарнизоны в Приамурье потерпели ряд поражений. Заключенный в 1689 г. Нерчинский договор утврждал права Китая на Приамурье и Приморье. При этом русско-китайская граница была определена этим документом крайне нечетко, оставив поле для дальнейших недоразумений и столкновений. Впрочем, на протяжении всего XVIII и начала XIX вв. основные внешнеполитические интересы России лежали далеко от Дальнего Востока. Отношения с Китаем в этот период ограничивались главным образом сухопутной торговлей. Ситуация кардинально изменилась после первой «опиумной» войны. Несмотря на то, что Россия не являлась участником этого конфликта, его итоги оказали на ее взаимодействие с Цинским государством существенное влияние.

Китай, проводивший политику самоизоляции, в то же время являлся выгоднейшим рынком сбыта для более развитых экономик. Подобное противоречие в конечном итоге привело к англо-китайскому конфликту, названному «первой опиумной войной». Действительно, поводом послужил запрет Пекинского правительства своим подданным покупать опиум, ввозившийся в огромных масштабах из британской Индии. Неравная борьба двух государств привела к заключению Нанкинского договора, по которому Китай не только выплачивал огромные контрибуции, легшие на его плечи непосильным бременем, но и открывал несколько своих портов для английской торговли. Кроме того, в Цинской империи началось крупное антиманчжурское восстание тайпинов, вскоре охватившее огромные территории страны и дополнительно ослабившее и без того не самое сильное государство. В этих условиях Россия решила снова проникнуть в Приамурье. Исследования Г.И. Невельского в 1849 г. показали, что вход в р. Амур

возможен из Тихого океана, а также опровергли предыдущее мнение о том, что Сахалин является полуостровом. Обладание Амуром, крупной судоходной рекой, имеющей выход в океан, имело для России огромное стратегическое значение. Недавно назначенный восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев считал возвращение Приамурья своей первоочередной задачей. В своих переговорах с китайцами он упорно настаивал на проведении государственной границы по Амуру, одновременно организуя самовольные исследования региона путем так называемых «сплавов». Видя рвение своего подчиненного, император Николай I заявил: «Эх, Муравьев, ты, право, когда-нибудь сойдешь с ума от Амура!». Однако переговоры о разграничении не имели большого успеха из-за упорства китайской стороны. Ускорению этого процесса способствовало начало Второй опиумной войны в 1856 г., а уже в 1860 г. Н.П. Игнатьев в результате более чем годового пребывания в Китае подпишет Пекинский договор, который окончательно закрепит за Россией желанные территории. В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о том, в каких условиях проходила подготовка его миссии.

Обзор источников и литературы

В качестве источников для проведения исследования использованы прежде всего опубликованные документы из Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) и Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ). В АВПРИ, хранящем документы Министерства иностранных дел, нас интересовали материалы фонда № 143, среди которых и папка, содержащая документацию о китайской миссии Н.П. Игнатьева, а также официальные документы (делопроизводственные журналы, инструкции) центрального аппарата МИД из фонда № 161. Фонд № 730 в ГАРФ является личным фондом Н.П. Игнатьева, где, в том числе, хранится его переписка с различными ведомствами по подготовке и снаряжению миссии в Китай. Неопубликованные источники представлены сочинением Н.П. Игнатьева под названием «Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева в 1859–1860 годах» [11]. Это сочинение заявлено именно как сборник уникальных материалов о деятельности дипломата в Пекине, но цитаты и отрывки из документов здесь вплетены в порой чересчур субъективное повествование автора о своих действиях. По этой причине работа с «Материалами» Игнатьева требует критического подхода и сравнительного анализа.

Миссия Н.П. Игнатьева в Китай нашла достаточное освещение в историографии. Из основных работ следует отметить соответствующие разделы в биографических книгах В.М. Хевролиной [17, С. 71–107] и американского исследователя Д. Маккензи [3, Р. 89–202], в диссертации А.П. Толстых [16, С. 45–60] и в монографиях М. Банно [1, Р. 141–169], Р.К.И. Квестэд [5, Р. 194–275] и Дж. Л. Эванса [2, Р. 139–180], а также статьи А.Н. Хохлова [18] и С.И. Повальникова [13] в сборнике «Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений» и М. Мэнколла в «Papers on China» [4]. При этом в большинстве указанных работ вопрос о причинах формирования игнатьевской миссии и ее подготовке затрагивается крайне поверхностно. Чаще всего исследователи, основываясь на мемуарах самого Игнатьева, сообщают лишь о принятии российским правительством решения относительно кандидатуры посланника и о том, что отправление миссии заняло больше запланированного времени [1, Р. 141; 2, Р. 142–143; 3, Р. 91–92; 4, Р. 56–57; 5, Р. 163–164, 174; 13, С. 276; 16, С. 46–47]. А.Н. Хохлов, исходя из тематики своей статьи, уделяет большое внимание военной стороне миссии Игнатьева, а именно ее персональному составу и материальному оснащению, подробно разбирает данные правительством инструкции, но при этом обходит стороной дипломатическую составляющую [18, С. 310–317]. Наиболее комплексно интересующий нас вопрос был рассмотрен биографом Игнатьева В.М. Хевролиной [17, С. 74–77], но в ее работе не уделено достаточного внимания историческому контексту, изложение носит скорее обзорный характер, без внимательного изучения имеющихся архивных источников. Наличие подобной историографической лакуны стало причиной написания данной статьи.

Подготовка миссии Н.П. Игнатьева

Воспользовавшись агрессивными действиями Китая в отношении своих подданных в 1856 г., Англия и Франция решили применить военную силу. Так началась Вторая опиумная война (1856 – 1860 гг.). Россия, не имевшая к этому конфликту никакого отношения, в свою очередь не

только не хотела уступать западноевропейским державам право исключительного влияния на Китай [19, С. 286], но и стремилась использовать прогнозируемое поражение цинских войск и ослабление государства для ведения успешных переговоров о разграничении [18, С. 291]. С дипломатической миссией в Пекин был отправлен вице-адмирал Е.В. Путятин, незадолго до этого успешно завершивший переговоры с Японией [9, С.35–37]. Дипломатические усилия Путятина первоначально не приносили результата из-за упорства и гордости китайского правительства, не желавшего даже вести с русским представителем переговоры и допустить его в Пекин [18, С. 291–294]. В этих условиях Путятин решил выступить заодно с представителями Англии, Франции и присоединившегося к ним представителя США. В результате их совместной деятельности был заключен Тяньцзиньский трактат, предоставлявший европейцам и американцам большие преимущества прежде всего в торговле с Китаем. Чтобы укрепить положение России в Китае российский посланник, воспользовавшись постоянными жалобами китайских сановников на слабость собственного войска, пообещал от имени российского правительства в ближайшее время отправить в Пекин партию оружия (ружей и пушек) современного образца и военных инструкторов для обучения китайской армии. Не забывал Путятин и о вопросе разграничения. Он стремился взять инициативу в этом вопросе на себя, но каждый раз получал отказ в ведении переговоров о границе под предлогом того, что они уже ведутся на Амуре уполномоченными с обеих сторон [8, Л. 21]. Действительно, параллельно с Путятиным продолжал свою активную деятельность на Амуре генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. К деятельности Путятина Муравьев относился с ревностью, поскольку считал вопрос о границе находящимся исключительно в собственной компетенции [19, С. 289]. К тому же он не видел смысла в проведении переговоров в столице Китая, поскольку они были бы слишком осложнены дипломатическими проволочками [15, С. 171]. Очевидное соперничество этих государственных деятелей вызвало необходимость четкого разграничения их полномочий свыше. В своем заседании от 27 мая 1858 г. Амурский комитет, несмотря на неоднократные обвинения в адрес Путятина в слабости, проявившейся в сотрудничестве с европейцами и практической бесполезности Тяньцзиньского трактата [9, С. 38; 11, С. 5], признал все его действия в этом направлении правильными [8, л. 20–20 об.]. В то же время проведение переговоров о границе было официально признано волеизъявлением Н.Н. Муравьева [8, Л. 20 об.–21]. Заключив Айгунский договор, по которому к России переходил весь берег Амура от р. Аргунь до моря, граница проходила по Амуру до р. Уссури, а находящийся далее Уссурийский край оставался на неопределенное время совместным владением двух государств, генерал-губернатор вполне оправдал возложенное на него доверие. Впрочем, ратификация этого договора китайской стороной в дальнейшем стала одной из основных задач политики России в Китае.

Муравьев и Путятин не знали о заключении друг другом договоров. Из-за этой неопределенности возникли большие сложности. Генерал-губернатор Восточной Сибири и его окружение были недовольны тем, что Тяньцзиньский трактат предоставлял России преимущества в Китае относительно морской торговли (Россия практически не торговала с Китаем по морю, ей трудно было соперничать в этом вопросе с англичанами и американцами), в то время как о сухопутной торговле и вообще о взаимоотношениях двух государств по их огромной границе практически ничего сказано не было [11, С. 5]. МИД, со своей стороны, выразило приставу Пекинской духовной миссии статскому советнику Перовскому, на которого, до прибытия сменщика, возлагались обязанности по обмену ратификациями Тяньцзиньского договора, свое пожелание объявить его недействительным, т.к. Путятин во время его заключения находился в неопределенном положении и был сбит с толку многочисленными противоречивыми распоряжениями из Пекина [19, С. 301]. По мнению бывшего начальника духовной миссии архимандрита Палладия, Тяньцзиньский трактат выставил Россию в невыгодном свете в глазах китайцев, и поэтому необходимо в любом случае выполнить свое обещание о присылке оружия для спасения ситуации [9, С. 38]. 3 декабря 1858 г. в Петербурге состоялось заседание Особого Амурского комитета, на котором, по рассмотрению текущей ситуации, с учетом предложений Путятина и генерал-майора Карсакова (одного из ближайших соратников Муравьева), было принято решение не посылать отдельного дипломата в Пекин, т.к. там уже действовал Перовский. А для выполнения обещания об оружии послать в Китай для начальства над военными

инструкторами «энергического и опытного руководителя, с званием посланника, из числа военных» [11, С. 9; 19, С. 302], возложив на него, после отъезда Перовского, еще и дипломатические функции [8, Л. 32]. Выбор, по настоянию графа Путятина, пал на флигель-адъютанта полковника Н.П. Игнатьева, который должен был в ближайшее время вернуться их дипломатической миссии в Среднюю Азию [11, С. 9]. Получив распоряжение императора о немедленном возвращении, Игнатьев уже в конце декабря оказался в Петербурге, где был сразу произведен за отличное решение своих среднеазиатских задач в генерал-майоры и оповещен императором о возложении на него «трудного и щекотливого дела», с уверенностью, что он «вполне оправдает оказанное ему доверие» [11, С. 10]. Проведя полгода в более чем тяжелых условиях среди степей и пустынь, новоиспеченный 26-летний генерал снова должен был покинуть Россию и отправится в еще более дальнее путешествие на неопределенный срок.

Тем временем, Перовскому приходилось в Пекине очень тяжело, поскольку «полумера» по его переименованию из пристава духовной миссии в уполномоченного несколько не меняла прежнего отношения к нему китайских сановников [19, С. 302]. Положение усугубляла ошибка, допущенная Путятиным, который подписал два экземпляра манчжурского текста Тяньцзинского трактата, при сравнении которых русскими переводчиками были выявлены расхождения сразу в нескольких статьях, и Перовский вполне обоснованно заподозрил китайцев в желании трактовать положения договора в свою пользу [19, С. 303]. По его запросу о позволении ему увидеть оригинал было заявлено, что оригинал недоступен, т.к. хранится у императора, через неделю, по словам чиновников, оригинал был вывезен в Шанхай и т.д. [19, С. 303]. Выведенный из себя, российский уполномоченный стал запугивать пекинское правительство, намекая на возможность применения силы со стороны войск, подконтрольных генерал-губернатору Восточной Сибири [19, С. 303–304]. В Петербурге стали понимать, что Перовского необходимо заменить в самом скором времени. Решение Амурского комитета об исполнении Н.П. Игнатьевым и военных, и дипломатических функций вступало в свою силу. Уже в январе 1859 г. министр иностранных дел князь Горчаков сообщал Н.Н. Муравьеву (получившему за заключение Айгунского договора почетную приставку «Амурского»), что молодой генерал получил полномочия дипломатического агента [19, С. 304], а император Александр II в письме к своему брату Константину писал: «Молодой Игнатьев, столь успешно совершивший поездку в Хиву и Бухару, отправляется на днях в Китай дипломатическим лицом, но последние известия из Пекина не совсем удовлетворительны. Со времен подписания Путятинского трактата китайцы стали к нам недоверчивее, а между тем внутренние смуты усиливаются, так что должно опасаться скорого распада тегерешней Китайской Империи» [12, С. 90–91]. В этой связи инструкция, полученная Н.П. Игнатьевым из МИД, предписывала ему: «Междоусобия, сила обстоятельств и требование всего народа могут восстановить туземную династию; тогда, если убедитесь, что это восстановление достаточно прочно, Вы не колебайтесь и со своей стороны вступить с нею в сношения. Имейте однако в виду, что ни в каком случае мы не можем защищать интересы манчжуров в Китае вооруженной рукой. Этот предмет является совершенно в другом виде, если нынешний император Китая или кто-нибудь из членов его фамилии успеет спастись от общего истребления и утвердиться в своем отечестве как независимый от Китая владетель, тогда вопрос о признании его независимости уже выходит из среды ваших поручений. <...> Во всяком же случае, Вам, как и гр. Муравьеву, необходимо знать заранее намерение министерства как относительно Манчжурии, так и Монголии, а равным образом двух других соседственных с нами владений, которые, конечно, отпадут от Китая ранее всех других; а именно: Джунгарии и Кашгара; виды наши могут ясно обозначиться только тогда, когда мы вполне узнаем, при каких условиях совершится распадение Китайской империи; в настоящее же время мы можем высказать одни наши гадательные предположения. По нашему мнению, должно стараться приобрести сколь возможно более влияния на эти владения, и в случае добровольного желания самих владетелей, решиться принять их под наше покровительство» [14, С. 199]. В то же время, правительственные предпочтения относительно властителей Китая были высказаны достаточно прямо: «Более десяти лет продолжается междоусобная война с переменным счастьем для воюющих, а Китайская империя все еще существует. <...> В судьбе империи, существующей около 3.000 лет, при возможных потрясениях,

внутри и вне ее происходивших, и сохранившейся во всей ее самобытности законов и даже нравов, трудно предусмотреть, какое действие произведут направленные на нее разнородные силы внутренних беспорядков и внешней цивилизации; но мы все еще не соглашаемся вполне с теми, которые полагают, что конец Срединной империи близок. <...> Исторический ход событий в Китае показывает, что время от времени, и именно в период 200 лет, китайский престол силою войны или внутренних переворотов заменяется новой династией. К этому так уже приучен народ, что в настоящее время он находится в ожидании подобной перемены, потому что манчжурская династия царствует в продолжение почти означенного периода. Это обстоятельство, по мнению нашему, всего легче может случиться во время вашего пребывания в Пекине, следовательно, оно и подлежит прежде всего к разрешению. Вопрос состоит в том, будет ли для нас выгоднее возведение на престол китайской династии, прежней (минской) или новой, или полезнее, чтобы удержались манчжуры на престоле. Китайская династия всегда отличалась своею нетерпимостью к иностранцам, и в этом случае мы, конечно, ничего не выиграем с переменою. Сверх того, нынешней династии мы обязаны всеми трактатами и хотя некоторыми дипломатическими сношениями со времен Петра Великого до последних двух трактатов. Следовательно, при одинаковых условиях, было бы желательнее удержать нынешних манчжуров на китайском престоле» [14, С. 199].

Как уже было сказано выше, Игнатъев должен был выполнять в Китае не только функции дипломата, но и начальника российских военных инструкторов, согласно обещаниям Путятин при подписании Тяньцзиньского трактата. Стоит отметить, что отношение высших сановников к этому обещанию было различным. Так, министр иностранных дел, А.М. Горчаков, славившийся своей осторожностью, писал Александру II, что Путятин не должен настаивать на оказании военной помощи, ограничившись только предложением, а затем ожидать решения китайцев. Тем не менее, император не согласился с этим мнением, сказав, что лучше настоять на своем, чем ждать, пока это сделают другие [18, С. 310]. Возникшие вопросы были сняты по результатам заседания Амурского комитета от 3 октября 1858 г., который постановил выделить в качестве военной помощи 10 тысяч нарезных ружей, 50 крупнокалиберных орудий и 5 офицеров-инструкторов. При этом ружья планировалось отправить сухим путем через Кяхту, а пушки – кораблями в порт Николаевск [18, С. 310–311]. После того, как решение комитета было утверждено императором, военный министр Н.О. Сухозанет распорядился о выделении требуемого вооружения с Ижевского завода не позднее 1 декабря 1858 г. [18, С. 311] На заседании от 3 декабря 1858 г. Амурский комитет окончательно подтвердил намерение отправить Китаю военную помощь и принял решение объединить полномочия начальника инструкторов и дипломатического агента, выбрав кандидатуру Н.П. Игнатъева. Теперь Военное министерство могло приступить к отбору офицеров для поездки в Китай [18, С. 312–313]. В итоге, состав инструкторов выглядел следующим образом:

1) Штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка Зейферт, «изучивший кроме пехотной службы, устройство и употребление нарезного оружия» [6, Л. 2 об.]. Для помощи ему в обучении китайских солдат был прикомандирован унтер-офицер 7го стрелкового батальона Образцового пехотного полка Постников [10, Л. 2 об.].

2) «Л.-Гв. Саперного батальона Поручик Зейме, ныне состоящий Адъютантом при Товарище Его Императорского Высочества Генерал-Инспектора по Инженерной части, как офицер имеющий основательные теоретические и практические сведения в инженерном деле» [6, Л. 2]. К нему были прикомандированы два гальванера [6, Л. 2] и один сапер [11, С. 10].

3) «Капитан Л.-Гв. Конной Артиллерии Баллюзек, ныне находящийся прикомандированным к Штабу Его Императорского Высочества Генерал-Фельдцейхмейстера, как офицер хорошо знающий артиллерийскую службу и знакомый с лабораторной частью. В распоряжение его даны будут два опытные арсенальные мастера, знающие кузнечное мастерство, слесарную работу и деревянное дело» [6, Л. 1 об.–2].

Кроме того, в состав миссии должны были войти «один офицер Горных Инженеров, который должен иметь основательные сведения в литье орудий и снарядов, а также в сплавлении

металлов» [6, Л. 2 об.] (для исполнения этой функции позже был избран штабс-капитан Тучемский, проходивший службу на Уральских горных заводах) [6, Л. 28 об.], один горный кондуктор (с Олонекских заводов был прислан офицер Марков, который должен был предварительно изучить в Санкт-Петербургском Арсенале литье орудий из артиллерийского металла, поскольку до этого имел представление только о литье из чугуна) [10, Л. 3 об.–4] и, наконец, один топограф первого класса Шимкович [11, С. 10].

Н.П. Игнатьев, вступивший в обширную переписку с различными ведомствами об обеспечении его миссии всеми необходимыми материалами и инструментами, особо настаивал на том, что каждый из его подчиненных должен иметь при себе револьвер на случай непредвиденных обстоятельств [10, Л. 14]. Это требование было удовлетворено – штабс-капитан Зейферт получил в Санкт-Петербургском Арсенале 12 револьверов в полном боевом комплекте [10, Л. 23].

Согласно инструкции, Игнатьев получал права начальника дивизии и должен был внимательно следить, чтобы его подчиненные правильно обращались с местным населением, «и в особенности в том случае, если им поручено будет обучение правильному строю. Инструкторы не должны забывать, что они имеют дело с людьми, которые к подобной трудной службе нисколько не подготовлены» [6, Л. 3 об.–4]. Относительно общих целей деятельности миссии, Военный министр Н.О. Сухозанет писал: «Вполне полагаясь на Ваше знание дела, и совершенно уверенный, что Ваше Превосходительство употребите все благоразумие и энергию, чтобы оправдать этот новый знак Высочайшего к Вам доверия, я ограничиваюсь лишь теми немногими указаниями, которым, по обязанности начальника офицеров и других военных чинов, Вам нужно постоянно следовать. Так как главная цель нашего правительства заключается в том, чтобы содействовать дружественной с нами державе в устройстве военной ее силы, то Ваше Превосходительство, по прибытии в Китай, верно оценив современное положение дел, прежде всего обратите Ваше внимание на те наиболее простые и легкие способы, которыми бы можно было скорее и с меньшими жертвами правильно организовать военную силу этого государства.

Если бы Китайское правительство, убедившись в превосходстве Европейских военных учреждений, действительно пожелало ввести у себя правильную военную систему, то кроме тех способов для формирования войск, которые Вы найдете нужным предложить, по всей вероятности, окажется полезным обратить внимание Китайцев на устройство крепостей в главных стратегических пунктах Государства, на укрепление морских берегов и в особенности устьев рек, а также посоветовать им завести оружейные и другие заводы и заведения артиллерийского ведомства.

Вообще, в случае готовности Китайского Правительства воспользоваться Вашим содействием, Вы не оставите без внимания всех вопросов, которые, кроме войск, усиливают военную силу Государства, поддерживают его самостоятельность, и способствуют прекращать внутренние смуты.

Вместе с тем пользуясь находящимися в Вашем распоряжении офицером и кондуктором Горных Инженеров, Вы постараетесь указать лучшие средства для разработки рудников, и тем откроете новый богатый источник Государственного дохода для Китая.

Каковы бы ни были те меры и средства, которые для достижения всех означенных целей Вы найдете полезными, во всяком случае Вам прежде всего необходимо в своих сношениях уклоняться от всякого предложения, которое бы могло дать повод подозревать, что мы хотим распоряжаться военными силами Китая, или утвердить наше влияние над сей Державой.

Присоединяя к сему, собственно для соображений Ваших, и для исполнения сколько это окажется возможным, известную Вам инструкцию для наших военных агентов, обязанность которого при Китайском дворе на Ваше Превосходительство также возлагается, я считаю всякое дальнейшее развитие предстоящих Вам обязанностей совершенно излишним» [6, Л. 7 об.–10].

Впрочем, МИД не было уверено в том, что в Пекине в настоящий момент действительно так сильно нуждаются в присылке военных инструкторов. 18 февраля А.М. Горчаков писал Н.Н. Муравьеву-Амурскому, что Богдыхан, с учетом того положения, в котором сейчас находится Китайская империя, согласился на это с неохотой, а может и вообще отказаться [6, Л. 12–12 об.]. В любом случае, – отмечал в то же время министр, – прибытие Игнатьева не должно сопровождаться какими-либо эксцессами, поскольку он едет в Пекин согласно постановлениям второй статьи Тяньцзиньского трактата [6, Л. 12 об.]. В случае же успешного решения вопроса об инструкторах, Горчаков рекомендовал уже самому посланнику «при первом свидании своём с членами Пекинского Кабинета дать им вполне понять настоящее назначение отправляемых с Вами военных офицеров, и хотя после всех предшествовавших сношений, как с графом Путятиным так и с действительным статским советником Перовским, трудно предположить чтобы китайское Правительство могло ошибаться в наших намерениях, однако необходимо отнять у него всякий повод просить нашего прямого содействия в случае нового разрыва с англичанами и французами, и выяснить ему вполне, что офицеры должны заботиться только об улучшении порученных им военных частей внутри Китая, но ни в каком случае не примут участия в делах против войск европейских держав, с которыми мы находимся в мирных сношениях» [6, Л. 11–11 об.]. Мнение канцлера оказалось пророческим: в конце февраля из пекинского Трибунала внешних сношений была получена бумага, в которой высказывалась благодарность за отправку 10000 ружей и 50 пушек, но их доставка морем в прибрежные крепости Китая признавалась нежелательной, поскольку, по словам китайцев, они уже успели нужным образом организовать там батареи, в связи с чем следовала просьба об отправке вооружения сухим путем из Кяхты в Ургу, а надобность в военных инструкторах отрицалась вовсе [6, Л. 21–21 об.]. В Санкт-Петербурге приняли решение не настаивать в данный момент на исполнении своего обещания. Александр II отменил отправку офицеров в Китай, о чем Н.О. Сухозанет и уведомлял Игнатьева, распоряжаясь отправить часть его бывших подчиненных (за исключением топографа) под начало генерал-губернатора Восточной Сибири, а остальных – к прежним местам службы [6, Л. 14–14 об.]. При этом военный министр прибавлял: «...мне остается просить Ваше Превосходительство сообщать Военному Министерству только то, что Вы найдете полезным» [6, Л. 15]. В новых обстоятельствах МИД, в свою очередь, предписывало: «по прибытии в Пекин Ваше Превосходительство не замедлите сообщить Китайскому Правительству, что перевозка обещанных пятидесяти орудий на столь дальнее расстояние сухим путем весьма затруднительна по причине тяжести их и по гористому местоположению между Кяхтой и Ургой, тогда как доставка морем всего естественнее; а потому Правительство наше просит о назначении какого-либо пункта в Китайской Империи для выгрузки орудий. Что же касается до 10000 нарезных ружей, то оные, как уже и было прежде обещано, будут доставлены в продолжении лета сего года в Кяхту, откуда могут быть перевезены в Ургу» [6, Л. 22 об.–33].

Таким образом, как уведомлял Н.П. Игнатьева директор Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевский, состав его миссии значительно сократился и состоял теперь, помимо начальника, из драгомана – статского советника Татарина, секретаря – титулярного советника Вольфа и оставшегося, согласно распоряжению Военного Министерства, топографа Шимковича [6, Л. 18 – 18 об.]. Позже, по ходатайству начальника миссии, было разрешено отправить с ним в качестве адъютанта капитана Баллюзека [6, Л. 27]. Кроме того, по причине болезни Игнатьева, который вывез из своей среднеазиатской поездки степную лихорадку, при нем на всем протяжении пути до Иркутска должен был находиться доктор медицины Пекарский [10, Л. 41], также сопровождавший миссию в Хиву и Бухару.

В результате подобных перестановок, Н.П. Игнатьев должен был выполнять в Китае исключительно дипломатические функции, которые заключались в том, чтобы договориться о ратификации договоров (Айгунского и Тяньцзиньского) и добиться окончательного утверждения за Россией земель от р. Уссури до моря (инструкция особо обращала внимание, что «это составит главнейший предмет Ваших поручений») [7, Л. 29 об.]; способствовать возобновлению и развитию русской караванной торговли по маршруту Кяхта – Пекин и наладить регу-

лярное почтовое сообщение между двумя этими пунктами; и, наконец, получить право на строительство русской фактории в Кашгаре, в дополнение к уже имеющимся в Кульдже и Чугучаке [7, Л. 29 об.–32]. Однако, вместе с тем, Игнатьеву не было присвоено определенного дипломатического звания, на чем настаивал Н.Н. Муравьев-Амурский сразу по получении известия о назначении молодого генерала дипломатическим агентом в Китае [19, С. 304]. Более того, в Петербурге не спешили с отправкой новой миссии, что дало Николаю Павловичу повод подозревать Е.П. Ковалевского в желании предоставить П.Н. Перовскому дополнительное время для завершения данного ему поручения [11, С. 10], тем более, что инструкция предписывала генералу «продолжать действия г. Перовского, приняв дела в том виде, в каком их застанете, <...> не касаться вопросов, которые будут приведены к окончанию г. Перовским, дать движение другим, если по каким-либо причинам они остановились и попытаться возобновить требования по тем, по которым правительство Богдыхана уклоняется в исполнении» [7, Л. 29]. Таким образом, глава нового посольства должен был решить большое число задач, многие из которых, по причине традиционной непредсказуемости действий Китайского правительства сложно было даже определить достаточно четко. С одной стороны, это давало ему большую свободу действий, а с другой, при отсутствии ясно обозначенного дипломатического статуса - ставило в неопределенное положение, поскольку представитель России должен был действовать в Китае параллельно с иностранными коллегами, облеченными званием посланников.

Необходимо отметить, что в дополнение к своим основным обязанностям Н.П. Игнатьев получил и еще одно поручение. Императорское Российское Географическое Общество, предполагавшее в течение двух следующих лет послать в Китай ученую экспедицию для сбора различных сведений об этой стране, в лице помощника председателя, все того же Е.П. Ковалевского, обратилось к Игнатьеву с просьбой «собрать на месте необходимые для правильного снаряжения и действия предполагаемой ученой экспедиции предварительные сведения и на основании этих данных сообщить Ваши соображения относительно снаряжения и стоимости экспедиции, с означением, в какие именно части Китая наиболее полезно было бы отправить экспедицию и какой путь надлежит избрать для ее следования, а также изложить мнение Ваше о том, в какой мере можно положиться на соблюдение китайцами последних трактатов, какого содействия ожидать для наших изыскателей от Китайского Правительства и в какой степени восстановлено будет к вышеупомянутому времени спокойствие и безопасность внутри страны» [6, Л. 16 об.–17].

Н.П. Игнатьев выехал из Санкт-Петербурга только 6 марта. В этот же день МИД отправило в Пекин официальное сообщение об отъезде Игнатьева и его подчиненных с просьбой оказывать им все возможное содействие [6, Л. 24–24 об.]. По пути в столицу Китая Игнатьев должен был обязательно встретиться с Н.Н. Муравьевым-Амурским, который, в качестве наиболее знакомого с актуальным состоянием русско-китайских отношений, собирался дать ему свои советы и указания, но мог находиться в Иркутске лишь до начала апреля [11, С. 13]. Это обстоятельство еще больше раздражало начальника миссии из-за задержек в ее отправке, поскольку в это время на долгом пути до Восточной Сибири уже началась весенняя распутица, преодолеть которую за короткий промежуток времени представлялось проблематичным. 8 марта он нанес визиты московскому генерал-губернатору графу Закревскому и митрополиту Филарету, а на следующий день вечером отправился в свой долгий и непростой путь. Впереди его ждала тяжелейшая дорога и более чем годовое пребывание в Китае.

Выводы

Как видим, попытки наладить взаимоотношения с Китаем и четко определить границу с этой страной далеко не всегда были успешными для России. Во многом это объяснялось постоянно меняющейся политикой китайского правительства. Свое влияние оказывали и огромное расстояние от Петербурга до Дальнего Востока (при учете отсутствия нормального транспортно-телеграфного сообщения) и параллельные действия российских государственных деятелей, часто вовсе не согласованные. Стоит отметить, что в конце 1850-х гг. основное внимание российская внешняя политика сосредотачивала на взаимоотношениях с европейскими державами, Восток же оставался направлением периферийным. Именно поэтому

решение большинства дальневосточных проблем было признано компетенцией Н.Н. Муравьева, который мог действовать без инструкций «сверху», получение которых было делом нескольких месяцев.

Кроме того, в числе традиций российской дипломатии, и эта тенденция усиливается в рассматриваемый период, было сочетание полномочий дипломатического представителя и военного агента в тех странах, которые «не признавали европейских традиций дипломатии». Совмещая эти обязанности, российские офицеры не только были олицетворением угрозы применения военной силы в случае «строптивости», но и осуществляли целый комплекс разведывательных мероприятий. Безусловно, задачи миссии Н.П. Игнатьева в Китай были обусловлены стремлением оказать военную помощь, но решение отправить в Пекин «энергичного и опытного руководителя, с званием посланника, из числа военных» продиктовано тем, что при общении с китайскими сановниками требовалось проявлять настойчивость, часто не свойственную кадровым дипломатам.

Ознакомление с инструкцией МИД, данной Игнатьеву, только подтверждает вышесказанное. В Петербурге не имели и не могли иметь актуальных данных о происходящем в далекой стране, охваченной войной, именно поэтому инструкция не содержала никаких прямых указаний и ограничивалась только общими приоритетами российской политики в отношении Китая. Таким образом, находясь в Пекине, Игнатьев должен был действовать, полагаясь в основном на свои силы и опыт. Отказ же китайцев от принятия инструкторов и оружия в очередной раз продемонстрировал, насколько непредсказуемой являлась политика властей Поднебесной империи. Дальнейшее развитие событий, связанных с миссией Игнатьева и образно названных его биографом Д. Маккензи «годом разочарований», только подтверждает сделанные нами выводы. Впрочем, благодаря своим многочисленным талантам и удачному стечению обстоятельств, Николай Павлович все же подписал Пекинский договор, не только соответствовавший всем ожиданиям российского правительства, но и превзошедший их.

Литература

1. Banno M. *China and the West. 1858 – 1861. The origins of the Tsungli Yamen.* – Harvard: Harvard University Press, 1964. – 415 p.
2. Evans J. L. *Russian expansion on the Amur (1848 – 1860).* – N.Y.: The Edwin Mellen Press, 1999. – 248 p.
3. MacKenzie D. *Count N.P. Ignat'ev: The Father of Lies?* – New York: Columbia University Press, 2002. – 750 p.
4. Mancall M. *Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859 – 1860 // Papers on China.* – Harvard: Harvard University, East Asian Research Center. – Vol. 10. 1956. – P. 55–96.
5. Quedstedt, R.K.I. *The Expansion of Russia in East Asia, 1857 – 1860.* – Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968. – 339 p.
6. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033.
7. АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 169
8. АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495.
9. Айрапетов О.Р. *На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история.* – М.: Алгоритм, 2015. – 496 с.
10. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 363
11. Игнатьев Н.П. *Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатьева в 1859 – 1860 годах.* – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1895. – 478 с.
12. *Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем; Дневник Великого Князя Константина Николаевича (1857-1861) / Под ред. Л.Г. Захаровой.* – М.: Терра, 1994. – 384 с.

13. Повальников С.И. Война Англии и Франции против Китая (вторая «опиумная» война 1856–1860 гг.) и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. – М.: Мысль, 1982. – С. 240–283.

14. Попов А.Д. Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания // Красный архив. – 1927. № 21. – С. 182–199.

15. Синиченко В.В. Внутрибюрократическая борьба вокруг дальневосточной политики России (1856–1860) // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Кн. 1. -Иркутск: Издательство ИГПУ, 1998.–С. 170–180.

16. Толстых А.П. Государственно-дипломатическая деятельность Н.П. Игнатьева в 1856—1878 гг.: Дисс... канд. истор. наук. - М., 2005. – 188 с.

17. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. - М.: Квадрига, 2009. – 392 с.

18. Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. – М.: Мысль, 1982. – С. 284–340.

19. Шумахер П. К истории приобретения Амура, сношения с Китаем с 1848 по 1860 год // Русский архив. – 1878. № 3. – С. 257–342.

Сосна Николай Александрович. E-mail: mat_ezhik@mail.ru

Дата поступления: 29.10.2019

Дата принятия к публикации 15.01.2020

PREPARATION OF N.P. IGNATIEV'S MISSION TO CHINA IN 1859 - 1860

DOI: 10.25629/HC.2020.01.05

Sosna N.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia

Abstract. This article discusses the preparation of the mission of N.P. Ignatieff to China in 1859–1860 The author is based on both published and archival sources from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE) and the State Archive of the Russian Federation (SARF), some of which are first introduced into the scientific circulation. Much attention is paid to the historical context that determined the sending of the next embassy to China. This made it possible to explain the dual military-diplomatic nature of Ignatiev’s mission and the large volume of tasks assigned to it. The mechanism of adoption by the Russian government of foreign policy decisions regarding the Far Eastern region is examined in detail, the instructions received by Ignatiev from the Ministry of Foreign Affairs and the War Ministry are almost completely given. According to the results of the study, it seems possible to conclude that the mission of N.P. Ignatiev to China was a typical phenomenon of Russian foreign policy of the 1850s - 1860s in relation to the countries of the East. The combination of military and diplomatic functions in the hands of one person made it possible to act simultaneously by peaceful and forceful methods. Relations with China have traditionally been unpredictable and in the indicated period they were not a foreign policy priority. This explains the departure of Ignatiev to Beijing during the period of instability without clear instructions.

Keywords: Russian empire, foreign policy, Far East, China, Muravyov, Putyatin, Kovalevsky, Ignatiev, Tianjin treaty, Aigun treaty.

Sosna Nikolai Aleksandrovich. E-mail: mat_ezhik@mail.ru

Date of receipt 29.10.2019

Date of acceptance 15.01.2020